

Ли Яньи жила вовсе не в Запретном саду. Её собственная резиденция находилась в самом процветающем районе на юго-востоке Жунина. Чжэнь Вэньцзюнь, поддерживая Ли Яньи, медленно вошла вместе с ней в поместье Хуайчэнь. Как только за ними вошли гвардейцы-хубэнь, слуги настороженно огляделись по сторонам и плотно закрыли ворота.

Внутри поместье Хуайчэнь поражало расписными балками, алыми шторами и искусно вырезанными колоннами. Даже глубокой ночью, стоило Ли Яньи переступить порог, все слуги зажгли марлевые фонари и выстроились по обе стороны, с почтением встречая возвращение Старшей Принцессы.

Едва ворота закрылись, Ли Яньи слегка приподняла руку, показывая, что дальше может идти сама, и Чжэнь Вэньцзюнь отпустила её.

- Т-ц. - тихо цыкнула Ли Яньи и попыталась слегка размяться, но рана на животе заставила её нахмуриться. Она повернулась к Чжэнь Вэньцзюнь:

- Сестрица Вэньцзюнь, как по-твоему, сколько времени займёт заживление этой раны, чтобы она больше не мешала мне заниматься делами?

- Отвечая Вашему Высочеству: если Вы будете вовремя менять повязки, тщательно заботиться о здоровье и соблюдать постельный режим, то уже через семь дней сможете свободно двигаться.

- Семь дней? Целых семь дней?! Мой наставник заперт в императорской тюрьме, а ты хочешь, чтобы я спокойно восстанавливалась семь дней?

Чжэнь Вэньцзюнь от такого напора и резких расспросов растерялась и по привычке, которую выработала в общении с Вэй Тинсюй, напустила на себя обиженный и несчастный вид. Ли Яньи, увидав её жалкий облик, осознала, что сама вспылила не по делу, и винить Чжэнь Вэньцзюнь было несправедливо. Она покачала головой и вздохнула:

- Семь дней так семь дней.

Чжэнь Вэньцзюнь втайне упрекнула себя за то, что зашла слишком далеко. Она так часто использовала против Вэй Тинсюй показную обиду и притворное послушание, что сама не заметила, как применила их к Ли Яньи. Это было даже смешно. Но ещё больше её позабавило то, что Старшая Принцесса действительно смягчилась - должно быть, потому, что в её сердце тоже жила одна барышня.

Ли Яньи позвала:

- А-Цянь.

Служанка в пурпурном одеянии опустила голову и вышла вперёд со словами:

- Эта слуга здесь.

- Помоги сестрице Вэньцзюнь обустроить комнату. Пусть устроится рядом с главным двором, чтобы ей было удобнее заботиться обо мне.

- Слушаюсь. Госпожа Вэньцзюнь, следуйте за мной.

Ли Яньи позвала с собой Линь Цюаня и Сюй Хуая, чтобы вместе отправиться в главный зал для

обсуждения дел. Пройдя половину пути, она что-то вспомнила, обернулась и сказала Чжэнь Вэньцзюнь:

- Как отнесёшь свои вещи, приходи ко мне.

- Слушаюсь! - ответила Чжэнь Вэньцзюнь, подражая тону А-Цянь.

Ли Яньи едва заметно улыбнулась ей, но тут же её лицо вновь приняло суровое выражение, и она поспешно ушла.

- Госпожа Вэньцзюнь, идите за мной, - повторила А-Цянь.

Чжэнь Вэньцзюнь отвечала А-Цянь, а сама недоумённо смотрела Ли Яньи в спину. «Разве она только что не харкала кровью?» думала она. Сильное потрясение ранило внутренние органы, это должно причинять невыносимую боль. Без должного отдыха это грозит смертельной опасностью, не говоря уже о том, что у неё сквозное ранение. Как она умудрится продолжать плести заговоры? По её непринуждённому виду и не скажешь, что она держится из последних сил.

Вспомнив, как Ли Яньи только что у городских ворот громко отчитывала Сына Неба, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала неладное.

Ли Яньи действительно вела себя дерзко и незаконно. Она не только открыто называла Ли Цзюя по имени, но и держалась так, будто вся страна уже в её руках. Но какой бы высокомерной она ни была за пределами столицы, неужели здесь, в Жунине, прямо под носом у императорской гвардии Цзиньувэй, она ведёт себя точно так же?

Держась за бок, Ли Яньи переступила порог главного зала. Сопровождавшие её люди вошли следом и закрыли за собой двери. Яркий свет свечей отразился на оконных рамах. Силуэты людей задвигались и опустились на колени по обе стороны зала. Их тихий шёпот невозможно было разобрать, но даже издали чувствовалась царившая внутри тяжелая атмосфера.

«Та брань у городских ворот... была ли она вызвана настоящей яростью, лишившей её разума, или же это был намеренный ход?» Чжэнь Вэньцзюнь решила, что этот вопрос пока стоит оставить открытым.

А-Цянь было уже под пятьдесят. Она являлась кормилицей Ли Яньи, следовала за ней из самого Запретного сада в поместье Хуайчэнь и всегда заботилась о ней. У А-Цянь было доброе и приветливое от природы лицо, опустив брови и мягко улыбаясь, она привела Чжэнь Вэньцзюнь к её комнатке. Комната была небольшой, но чистой и изящной. Подсвечники, благовония, плотные одеяла - здесь было всё необходимое. В углу стояла изогнутая ваза, в которую был поставлен побег зелёного бамбука.

- Оставьте здесь свои вещи, молодая госпожа, эта старая слуга всё приберет. А вы скорее ступайте в главный зал к Её Высочеству, не откладывайте важные дела.

Чжэнь Вэньцзюнь думала, что в поместье Старшей Принцессы её встретит куча правил и что Ли Яньи приказала А-Цянь проводить её, чтобы очертить границы: куда ходить нельзя, чего делать не положено. К её удивлению, А-Цянь ничего такого не сказала. Она лишь протянула ей чашку женьшеневого чая, чтобы та промочила горло и восстановила силы, и велела сразу идти к Ли Яньи.

Чжэнь Вэньцзюнь одним глотком осушила чай, поблагодарила А-Цянь и поспешила в главный

зал.

Под пристальными взглядами гвардейцев Хубэнь она толкнула дверь. Тихий скрип заставил всех присутствующих в огромном зале обернуться. По обе стороны тянулись два больших ряда низких столов. Всего внутри находилось около сотни человек, не только мужчины, но и женщины. Лицо каждого было суровым, а взгляды острыми, как у орлов. Неизвестно, что именно они обсуждали, но все смотрели друг на друга с яростью. И надо же было Чжэнь Вэньцзюнь войти именно в этот момент, приняв на себя всю сконцентрированную в комнате враждебность.

Наверное, такова судьба шпиона... подумала Чжэнь Вэньцзюнь. На её лице появилась простодушная улыбка, которой она попыталась разрядить это бешеное напряжение.

У Ли Яньи было немало советников, и, скорее всего, эти люди составляли далеко не весь её штат стратегов. Чжэнь Вэньцзюнь сидела в углу за наспех приставленным маленьким деревянным столиком. Глядя на разложенные перед ней разнообразные овощи, вино и мясо, она остро ощутила голод, ведь во рту у неё не было ни крошки с самого полудня. Однако, посмотрев по сторонам, она заметила, что к еде и вину никто даже не притронулся. Все были полностью поглощены разработкой планов и игнорировали пищу. Из-за этого Чжэнь Вэньцзюнь, хотя и хотела поесть, но постыдилась сделать это открыто. Ей оставалось лишь сосредоточенно вслушиваться в разговоры советников, пытаясь хоть как-то отвлечься.

Ли Яньи сидела в самом центре главного зала, словно на императорской аудиенции. По поводу дела Цзо Сюя высказывались самые разные мнения. Слушая их, Ли Яньи время от времени глухо кашляла.

Три округа, власть над которыми у них отобрали, необходимо было во что бы то ни стало вернуть. Собравшиеся единодушно указывали на Го Жу и требовали покарать его за преступления. Из их слов следовало, что этот Го Жу - ученик Се Фучэня, который в последнее время вёл скрытную деятельность на севере, и его точное местонахождение оставалось загадкой. Было неясно, какой следующий шаг он планирует предпринять, но это явно создавало серьезную угрозу для Старшей Принцессы. Го Жу необходимо было взять в оборот, точно так же, как Ли Цзюй обошелся с Цзо Сюем. Нужно было тщательно проработать детали и подвести его под обвинение.

Чжэнь Вэньцзюнь поняла, что пришла в правильное место. Она обнаружила, что когда эти начитанные, учёные мужи и великие конфуцианцы задумывают подлость, это зрелище поистине поражает воображение. Не успели у них еще затечь ноги от долгого сидения на коленях, как вся комната уже успела детально расписать для Го Жу тридцать пять статей обвинения. Убийство восемнадцати военнопленных десять лет назад сочли «негуманным». То, что он отнял жену у названного брата «неправедным». То, что в праздник Фонарей он проведаль не родную мать, а предавался утехам с наложницами «непочтительным к родителям». А то, что он справил малую нужду прямо у тысячелетнего священного дерева на родине императорского клана «предательским»... Все эти десятки обвинений, перечисленные по пунктам, по сути являлись обычными сплетнями и слухами. Однако, собранные воедино, они давали веский повод для импичмента Го Жу. В лучшем случае его ждала отставка и ссылка в родные края, в худшем - гибели предавался весь его клан.

Ли Цзюй обвинил Цзо Сюя в «оскорблении императора» лишь из-за того, что двадцать лет назад в Пинцане тот по молодости и глупости, да ещё и перебрав вина, написал неказистое стихотворение. В тех стихах содержалась лёгкая ирония над литературным талантом покойного императора. В своё время прежний правитель знал об этом, но поскольку Цзо Сюй

был его товарищем по учёбе с самого детства и они были близки, он не принял это близко к сердцу. Кто же мог подумать, что двадцать лет спустя Ли Цзюй поднимет старые долги? Пожалуй, если бы Гуань Сюнь положил то злополучное стихотворение перед самим Цзо Сюем, тот вряд ли признал бы в нём собственное авторство. Но раз уж речь зашла о «неверности», то струя мочи Го Жу оскорбила абсолютно весь род Ли. Если Го Жу избежит наказания, то и обвинение Цзо Сюя в оскорблении государя потеряет всякую силу. Оставалось только посмотреть, как на это ответит Ли Цзюй.

Собравшиеся заговорили о том, что у одного из них самый изящный литературный слог, и именно ему поручили составить текст обвинительного доклада. Текст должен быть острым, пронизательным и бьющим точно в цель, чтобы никто не смог его оспорить. Тот написал всё на одном дыхании, остальные советники ещё не закончили говорить, а его свиток уже был готов. Когда его передали Ли Яньи, она осталась чрезвычайно довольна.

Когда свиток дошёл до Чжэнь Вэньцзюнь, она поспешно отложила половину дыни, которую незаметно для себя съела, вытерла руки начисто и взяла бамбуковую дощечку. Внутри она нашла множество фраз и красивых предложений, которых никогда раньше не видела. Написание было блестящим, с изысканными рифмами и остротой, сопровождаемыми юмором. Прочитав, она почувствовала одновременно гнев и веселье, поистине найдя это выдающимся.

Лишь когда небо начало светлеть, Ли Яньи отпустила всех. Чжэнь Вэньцзюнь думала, что она хочет отдохнуть, но вместо этого Ли Яньи приказала Чжэнь Вэньцзюнь приготовить повозку, потому что она намеревалась войти во дворец.

Пока Чжэнь Вэньцзюнь догадывалась, что она, должно быть, идёт к Вдовствующей Императрице, она небрежно заметила:

- Ваше Высочество, ваша рана серьёзна. Если вы продолжите в том же духе, боюсь, это оставит неизгладимый недуг.

Ли Яньи покачала головой:

- Выбора нет. Сейчас Ли Цзюй наступает мне на пятки. Стоит мне перевести дух, и это может стоить жизни ещё множеству людей. Сестрица Вэньцзюнь, доверяю свою рану тебе. Приготовь для меня несколько лекарств, останавливающих кровь и утоляющих боль. Главное, чтобы я смогла продержаться это время.

Чжэнь Вэньцзюнь оставалось только согласиться.

Ли Яньи отдельно наказала ей сделать так, чтобы кровь была полностью остановлена: она собиралась навестить Вдовствующую Императрицу и не хотела, чтобы старушка беспокоилась.

Раз уж она идёт к Вдовствующей Императрице, значит, в ближайшее время точно не вернётся. Как раз вовремя. Мне будет удобно отправить послание клану Се, подумала Чжэнь Вэньцзюнь.

Используя снадобья из запасов поместья, Чжэнь Вэньцзюнь остановила ей кровотечение. Она накладывала полосы ткани слой за слоем, так что теперь кровь точно не должна была просочиться наружу. Едва перевязка была окончена, Ли Яньи развернулась и ушла. Она не смыкала глаз уже целые сутки, но так и не замедлила шаг.

Чжэнь Вэньцзюнь проводила взглядом повозку Ли Яньи. По четырём углам повозки были подвешены золотые фигурки тотемных зверей в виде павлинов - такой выезд принадлежал высокопоставленному чиновнику второго ранга, а вовсе не самой Ли Яньи. Сопоставив это со

всеми прежними сомнениями, Чжэнь Вэньцзюнь в общих чертах разгадала замысел Старшей Принцессы. Однако из-за того, что её молодой организм всё ещё рос, от нехватки сна мысли делались невероятно заторможенными. Они походили на густую летнюю листву: в колышущихся тенях ей чудилось, будто она видит нужную ветку, но стоило протянуть руку, как та исчезала.

Не в силах больше сопротивляться усталости, Чжэнь Вэньцзюнь заснула. Она проспала до полудня следующего дня и проснулась от резкой, пронзительной боли, у неё свело ногу судорогой. Потягиваясь на постели, она вспомнила слова матери о том, что судороги у детей - это хороший знак, означающий, что ребёнок растёт. Чжэнь Вэньцзюнь посмотрела на себя в бронзовое зеркало, гадая, станет ли она намного выше к их следующей встрече с Вэй Тинсюй.

Убедившись, что Ли Яньи всё ещё не вернулась в поместье, Чжэнь Вэньцзюнь наложила себе миску супа с лапшой и кусочками мяса и наспех её съела. После этого она отправилась предупредить А-Цянь, сказав, что ей нужно сходить на рынок и прикупить лекарств для Старшей Принцессы.

- Разве в поместье нет нужных лекарств? К чему госпоже утруждать себя и бежать ради этого?
- удивилась А-Цянь.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила:

- Лекарств действительно много, но Её Высочество наотрез отказывается соблюдать покой. Чтобы стабилизировать её состояние, мне нужно использовать сильнодействующий состав, а для него необходим каменный лотос¹. Это средство обычно используют в бедных семьях, поэтому в поместье его не держат.

¹Каменный лотос (石蓮, Шилиань) - лекарственное растение, используемое в традиционной китайской медицине.

- Ох, вот оно что! - воскликнула А-Цянь. - Госпожа Вэньцзюнь, вы ведь здесь впервые и наверняка совсем не знаете Жунин. Мне следовало бы пойти с вами.

Но как Чжэнь Вэньцзюнь могла позволить ей пойти вместе? Эта А-Цянь, хотя и звалась кормилицей Ли Яньи, но по всему было видно, что она женщина проницательная, всё замечает и обладает глубоким умом. Кто знает, не похожа ли она на Линби: ту ведь тоже приставили якобы заботиться о ней, а на деле следить за каждым шагом. Если А-Цянь потащится следом, письмо точно не удастся передать. Только Чжэнь Вэньцзюнь собралась вежливо отказаться, как А-Цянь продолжила:

- Вот только Её Высочество едва вернулась, и на меня свалилась куча дел по дому, никак не вырваться. Давайте я велю кому-нибудь из здешних слуг проводить вас.

- Нет-нет-нет, - поспешно замахала руками Чжэнь Вэньцзюнь. - Я человек ленивый: если меня кто-то ведёт, я совсем не запоминаю дорогу. Хоть двести раз пройду, всё равно заблужусь. Мне нужно пройти самой, чтобы привыкнуть к пути. Если заплутаю, у прохожих спрошу, так что тётушке А-Цянь не о чем беспокоиться. Может, тётушке нужно, чтобы я что-нибудь принесла?

- Нет, ничего не нужно. Госпожа, ступайте и возвращайтесь поскорее, - ответила А-Цянь.

Чжэнь Вэньцзюнь быстро вышла за ворота. Она умела не только превосходно запоминать лица и книги, но и в дорогах ориентировалась мгновенно. Стоило ей один раз где-то пройти, как маршрут отпечатывался в памяти. После нескольких поворотов направо и налево в её голове

сама собой выстраивалась точная карта местности. Она была полностью уверена в себе и знала, что ни за что не заблудится.

Жунин и впрямь оказался невероятно процветающим городом, по крайней мере в десять раз больше Фэнси в Нанья. Эта деревенская девчонка впервые по-настоящему выбралась в большой город. Она шла по столичной дороге, пока ноги не заныли от усталости, а до рынка всё ещё было далеко. По пути она то и дело спрашивала у прохожих, где находится аптека, а те в ответ интересовались, какая именно лавка ей нужна.

- А разве их много?

Прохожий решил, что она шутит:

- Конечно, молодая госпожа! Вы что, впервые в Жунине? Не говоря уже о четырёх главных государственных аптеках, одних только частных купеческих лавок насчитывается шестнадцать штук. Они разбросаны по всему городу, и каждая специализируется на своих лекарствах. Всё зависит от того, что именно вам нужно купить.

- Вот как... А позвольте узнать, как далеко отсюда ближайшая?

- Идите прямо по этой улице, на следующем перекрёстке поверните на юг, пройдите два больших перекрёстка, затем сверните на запад и пройдите три маленьких переулочка, потом снова на восток на главную улицу и пройдите ещё одну ли...

Прохожий объяснял, брызжа слюной, а Чжэнь Вэньцзюнь очень внимательно всё запоминала. Договорив, мужчина спросил, запомнила ли она.

- Запомнила, большое спасибо, - поблагодарила Чжэнь Вэньцзюнь и поспешно ушла.

Прохожий лишь недоумённо посмотрел ей вслед:

- Серьезно, что ли? И как только можно было всё это запомнить?

Сложный рельеф и многолюдные улицы были для Чжэнь Вэньцзюнь как нельзя кстати. Она только вчера прибыла в поместье Хуайчэнь и не знала, нашлось ли у Ли Яньи время, чтобы подстраховаться и выставить за ней слежку. Среди окружающих людей не было никого, кто шел бы за ней неотступно, подобное сразу бросилось бы в глаза. Однако нельзя было гарантировать, что за ней не наблюдают из тех мест, которые она не видит. Ей требовалось идти запутанными путями: даже если бы её вели тайные соглядатаи, она смогла бы от них оторваться.

По дороге к аптеке ей как раз попала почтовая станция. Это было весьма крупное почтовое ведомство, флаг у входа весело развеивался на ветру, и его можно было заметить издали. Чжэнь Вэньцзюнь сделала несколько кругов вокруг почтовой станции и в итоге зашла в лавку тканей. Там она прямо на месте купила новое платье, переделалась, вышла через боковую дверь и незаметно скользнула внутрь почтовой станции. На всякий случай она первым делом отправила весточку о своём прибытии в Жунин Линби и Вэй Тинсюй, и лишь затем послала сообщение «господину Цзюаню». Привязывая бирку, она внимательно оглядывалась по сторонам. Убедившись, что никто не обращает на неё внимания, она за мелкое серебро выменяла верхнее платье у другой женщины, тоже отправлявшей письмо, и только после этого вышла наружу.

Долгое время, проведённое подле Вэй Тинсюй, не прошло даром: Чжэнь Вэньцзюнь уже

выработала привычку не оставлять никаких зацепок, даже когда за ней никто не следит. Действовать без единого изъяна - вот главный закон выживания.

Письмо наконец-то ушло, теперь клан Се знал, что она успешно подобралась к Ли Яньи. Это был лишь первый шаг. Хотя прошлой ночью она уже подслушала план Ли Яньи касательно грядущего импичмента Го Жу, проявлять беспечность и сразу передавать это клану Се было нельзя. Будь она прежней, она бы, возможно, ради быстрого укрепления своего положения в клане Се сразу сообщила о планах против Го Жу. Утаив подробности, она могла бы воспользоваться моментом и припугнуть клан Се, чтобы ей позволили увидеться с матерью. Но теперь она не спешила так поступать. Стоило ей только оказаться рядом с Ли Яньи, как та сразу допустила её к ночным разговорам и позволила узнать все детали. Даже с учётом того, что Чжэнь Вэньцзюнь считалась доверенным лицом Вэй Тинской, подобная беспечность выглядела слишком подозрительно. Вполне возможно, это была проверка со стороны Ли Яньи. Если она бросится передавать эти сведения наружу, то угодит прямиком в ловушку.

Спешить некуда, впереди ещё долгий путь.

Выйдя с почтовой станции, она отыскала аптеку, купила нужные лекарства и двинулась в обратный путь. Вдруг по дороге на бешеной скорости промчалась повозка, налетев на неё со спины. Прохожие с криками спешно бросились врассыпную, однако один ребёнок с зажатой в кулачке связкой сладостей вслепую выскочил наперерез, пытаясь перебежать на другую сторону улицы к своей матери.

- С дороги, с дороги! - кучер истошно закричал. Повозка вот-вот должна была раздавить ребёнка. Окружающие замерли от ужаса, мать малыша обернулась и, увидев эту картину, поняла, что спасти дитя уже не успеет. Кучер изо всех сил рванул поводья, лошадь взвилась на дыбы, готовая копытом вжать хрупкого, словно комочек ваты, ребёнка в землю. В этот миг Чжэнь Вэньцзюнь одним рывком подхватила малыша и отпрянула в сторону.

- Чей это ребёнок, почему не смотрите?! Смерти ищете?! - кучер, чьи руки были до крови разрезаны поводьями, яростно выругался.

Ребёнок у неё на руках громко расплакался, и тут же подбежала мать, осыпая Чжэнь Вэньцзюнь словами благодарности. Чжэнь Вэньцзюнь погладила малыша по голове, успокаивая его, и обернулась. Она заметила, что кучер одет в богатые одежды, а по четырём углам повозки подвешены позолоченные звериные головы. Тот, кто находился внутри, явно был человеком знатным и богатым. Слова упрёка, уже подступившие к её горлу, пришлось проглотить обратно. Это был Жуни: брось здесь кирпич и обязательно попадешь в головы трём знатным людям. Она сама едва прибыла сюда, к тому же, её статус был весьма деликатным, так что навлекать на себя неприятности ей совершенно не хотелось. Пришлось стерпеть обиду. Мать ребенка тоже оказалась не промах, крепко прижимая к себе дитя, она без конца извинялась перед кучером.

Кучеру было некогда растрчивать время, и он сразу же приготовился трогаться дальше. Чжэнь Вэньцзюнь вспомнила уроки управления лошадьми, которым её когда-то учил Бу Цзе. Она отвернулась и украдкой издала короткий свист. Лошадь от испуга резко замерла и внезапно шарахнулась в сторону. Кучер, который уже подался корпусом вперёд, потерял равновесие от этого толчка и рыбкой полетел прямо на землю.

- Что случилось... ой-ой! - Кучер сильно отбил себе ягодицы и долго кряхтел, держась за поясницу, прежде чем смог подняться на ноги. Чжэнь Вэньцзюнь и ребёнок, глядя на его жалкий вид, тихонько посмеивались в кулак, да и собравшиеся вокруг зеваки едва сдерживали

смех.

- А-Сы, - раздался голос из повозки, и два пальца приподняли занавеску, обнажив наполовину угрюмое лицо. Сидевшему внутри мужчине было под шестьдесят, его виски и борода уже подёрнулись сединой, но в его глубоких, как озеро, глазах не было и следа старческой немощи. В унисон с его низким голосом на лице читалась суровая строгость, внушающая невольный трепет и благоговение.

Отодвинув занавеску, он целенаправленно устремил взгляд прямо в сторону Чжэнь Вэньцзюнь, казалось, он пытался вычислить по звуку недавнего свиста того, кто посмел подшутить над его слугой. Чжэнь Вэньцзюнь не успела вовремя отвести глаза, и их взгляды встретились.

Мужчина слегка прищурился. Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно напряглась: ей показалось, что незнакомец видит её насквозь и уже догадался, чьих рук это баловство.

- А-Сы, - как раз в тот момент, когда Чжэнь Вэньцзюнь в панике потянулась к поясу, собираясь выхватить свой кинжал «Золотая цикада», мужчина с лёгким нетерпением отвёл взгляд. - Поднимайся, не задерживайся. Нам нужно кое-что доставить.

- Слушаюсь! Слушаюсь! - кучер, напрочь забыв о боли, тут же вскочил на козлы и погнал лошадей прочь.

Чжэнь Вэньцзюнь проводила взглядом удаляющуюся карету и с облегчением выдохнула. Она отпустила ребёнка, но тот вдруг громко разрыдался:

- Мои сладости! Мои сладости! Ты растоптала мои сладости!

Чжэнь Вэньцзюнь приподняла ногу и посмотрела на подошву: к ней прилипла раздавленная в кашу карамель. Неудивительно, что ей ещё минуту назад казалось, будто под ногу что-то попало.

Мать уже собиралась увести поскорее напроказничавшее дитя, но Чжэнь Вэньцзюнь быстро сбегала к торговцу, купила целую горсть сладостей и догнала их, чтобы отдать девочке. Малышка сразу же сменила слёзы на улыбку, а Чжэнь Вэньцзюнь ласково пожурела её:

- Не ешь всё за один раз, а то зубки испортятся.

- Спасибо, сестрица!

- Ступай, - Чжэнь Вэньцзюнь ласково взъерошила её круглую голову.

Забрав лекарства, она зашагала обратно к поместью Хуайчэнь. По обеим сторонам дороги было полно диковинных вещей. Чжэнь Вэньцзюнь долго заглядывалась на них и накупила кучу забавных безделушек, решив припрятать их для Вэй Тинсюй и Линби, чтобы вручить как подарки при следующей встрече.

Когда до поместья оставалось повернуть всего на пару улиц, она вдруг замедлила шаг и, слегка повернув голову, настороженно оглянулась назад.

Кто-то неотступно следовал за ней ещё с прошлого перекрестка. Судя по звукам, этот преследователь, к тому же, ехал в карете. Неужели?..

Краем глаза Чжэнь Вэньцзюнь уловила блеск позолоченных звериных голов на повозке. Это

действительно были те самые хозяин со слугой из недавней повозки!

Неужели решили отомстить? Неужто станут преследовать из-за такой мелочи?

Чжэнь Вэньцзюнь невольно прибавила шаг.

Лю Фэн дежурил у ворот двора, где поселился Се Фучэнь, уже почти месяц, но Се Фучэнь так ни разу и не показался снаружи.

Каждый день туда-сюда ходил лишь один мелкий прислужник, приносящий лекарства. Вот и сегодня этот парень вернулся с кучей больших и малых свертков. Проведя в доме какое-то время, он поспешно вышел, сел в повозку и уехал. По всей видимости, снова отправился за снадобьями.

Лю Фэн сидел в засаде в зарослях травы в пятидесяти шагах от двора. Глядя на уезжающего прислужника, который низко надвинул на глаза головной убор, он невольно задумался: Се Фучэнь прибыл в эти края тайно, он просто не мог запереться в четырёх стенах и вообще ничего не предпринимать. Даже если он был глубоко удручен и раздавлен из-за случившегося с А-Синь, это не могло подкосить его здоровье настолько сильно.

Неужели он уже обнаружил слежку и потому прячется в комнате, не выходя наружу?

Или же... он уже вышел?

В голове Лю Фэна промелькнула догадка. Он так часто видел этого спящего туда-сюда прислужника, что уже привык к нему и подсознательно ослабил бдительность. Повозка, на которой только что уехал парень в низко надвинутом уборе, направилась вовсе не на запад, где располагался городской рынок с аптеками, а к восточным городским воротам!

Это был переодетый Се Фучэнь, он собирался покинуть город! Проклятье, какая непростительная беспечность!

Лю Фэн мгновенно сорвался с места и со всех ног бросился в лесную чащу, где была привязана его лошадь. Вскочив в седло, он яростно прикрикнул на коня и помчался в погоню. Но не успел скакун сделать и тридцати шагов, как Лю Фэн почувствовал, что теряет контроль, и кубарем полетел с лошади на землю. Конь убежал сам по себе, а Лю Фэн перекувырнулся по земле и замер, опустившись на одно колено и уже сжимая в руке клинок.

Благодаря редкому для этих мест скудному солнечному свету Северного приграничья, он смог разглядеть натянутую между двумя деревьями, мимо которых собирался проскочить, тончайшую, едва заметную стальную проволоку. Если бы он не заметил её и помчался дальше, его голова, скорее всего, уже покатила бы по земле. Присмотревшись внимательнее, он обнаружил, что весь этот лес опутан подобной проволокой. Очевидно, кто-то заранее подготовил здесь западню.

Лю Фэн полностью обнажил меч. Он отчетливо ощущал витающую вокруг жажду крови, но никак не мог понять, где именно затаился тот, кто пришел по его душу.

Будучи закалённым ветераном, прошедшим через множество крупных и малых сражений, он впервые столкнулся с угрозой, характер которой не мог даже предугадать.

Чжэнь Вэньцзюнь уже почти добралась до поместья Хуайчэнь, но повозка всё так же неотступно следовала за ней.

Сдерживая порыв броситься бегом, она то и дело оглядывалась назад, пытаясь утрашить преследователей взглядом. Однако кучер оставался совершенно невозмутим: он уверенно правил лошадьми, двигаясь вперёд с таким видом, будто ему до неё не было никакого дела.

Судя по тому, как этот тип бесцеремонно мчался напролом через шумный рынок, да ещё и сыпал проклятиями, хорошим человеком он быть не может. Даже если он едет в повозке высокопоставленного чиновника, он точно бесчестный временщик! подумала Чжэнь Вэньцзюнь. Она не верила, что какой бы высокой ни была должность этого господина, он сможет превзойти в величии Старшую Принцессу. Ворота поместья уже перед глазами: стоит ей войти внутрь, неужели эта повозка посмеет последовать за ней?

К её крайнему изумлению, повозка действительно въехала прямо во двор.

Чжэнь Вэньцзюнь поразились до глубины души. Как на свете могут существовать настолько мелочные и злопамятные люди? Подумаешь, она слегка припугнула его лошадь, неужто он в порыве злости примчался сводить счёты прямо на территорию Старшей Принцессы? В Жунине просто невозможно было не знать, кто именно живет в поместье Хуайчэнь.

Поскольку она уже вернулась домой, Чжэнь Вэньцзюнь заметно набралась смелости. Она уже собиралась сделать шаг вперёд, чтобы призвать наглецов к ответу, но пожилой господин из повозки спустился на землю первым. Чжэнь Вэньцзюнь открыла было рот, чтобы заговорить, но опоздала на долю секунды.

И как же хорошо, что она опоздала.

Стоявшие позади слуги поместья Хуайчэнь разом склонились в глубоком поклоне и громко, в один голос, выкрикнули:

- Приветствуем Вэй Ситу!

Чжэнь Вэньцзюнь оцепенела на месте.

Титул «ситу» был ей не слишком знаком, однако в сочетании с фамилией «Вэй» он заставил её совершенно обомлеть.

Она во все глаза смотрела на идущего навстречу старика с прямой, гордой осанкой, орлиным взором и высокой переносицей. Это лицо казалось ей всё более и более знакомым.

Назвала его подлым сановником, и ведь угадала: он и есть главный подлец!

- Вэй Ситу, вы наконец-то прибыли, - Ли Яньи, которая тоже только что вернулась в поместье, подошла со спины Чжэнь Вэньцзюнь и, положив руку ей на плечо, спросила:

- Ты уже виделась с отцом Цзычжо?

Ещё как виделась...

В голове у Чжэнь Вэньцзюнь всё помутилось, ноги подкосились, и она с размаху рухнула на колени. Запинаясь от страха, она пролепетала:

- При... приветствую почтенного господина Вэя!

<http://bllate.org/book/17227/1644443>